АНАСТАСИЯ КОЗЫРЕВА

«АФФЕКТИВНОЕ ПРОБУЖДЕНИЕ ПРОШЛОГО»: АНАЛИЗ ПРЕ-КОГНИТИВНОГО ИЗМЕРЕНИЯ ВОСПОМИНАНИЯ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ*

«Affective awakening of the past»: an analysis of pre-cognitive dimension of recollection in the phenomenology of Edmund Husserl

The aim of this article is to examine the affective dimension of recollection on the basis of Husserl's «Analyses concerning passive synthesis». In our view, the distinction between active and passive constitution, provided in the genetic phenomenology of E. Husserl, opens up a possibility to consider the problems of memory and subjective identity not as merely cognitive, but also as essentially affective phenomena. In this context, affectivity describes the realm of pre-predicative and pre-cognitive experience that precedes and makes possible the explicit and thematic correlation between subject and world. Our claim is that the affective level of subjective life is not limited to the sphere of the living present, but includes the dimension of past life as well, without which it would not be possible to speak of a subjectivity as having the experience. In order to investigate the affective component of recollection, the article explores the distinction between the act of recollection and the «affective awakening of the past», the conditions of such reproductive awakening, and the phenomenological analysis of affective dimension of recollection as a means to understand the phenomenon of implicit memory.
Keywords: memory, recollection, affectivity, identity, subjectivity, phenomenology.

Задача данной работы состоит в анализе аффективного измерения воспоминания на основании «Анализов пассивного синтеза» Э. Гуссерля. По мнению автора статьи, проводимое Гуссерлем различие между активным и пассивным конституированием открывает возможность для рассмотрения проблемы памяти и субъективной идентичности не как исключительно когнитивных, но также и аффективных феноменов. В данном контексте «аффективность» относится к так называемому «до-предикативному» и пре-когнитивному опыту, который генетически предшествует и делает возможной тематическую корреляцию между субъектом и миром. Тезис автора состоит в том, что уровень аффективности субъективной жизни ни в коей мере не ограничивается сферой живого настоящего, но включает в себя также измерение прошлой жизни, без которой не может быть и речи о целостной субъективности, обладающей опытом. С целью исследовать аффективную составляющую воспоминания в статье рассматривается различие между актом воспоминания и «аффективным пробуждением прошлого», условиями подобного репродуктивного пробуждения, а также возможное значение феноменологического анализа аффективного измерения воспоминания для понимания феномена имплицитной памяти
Ключевые слова: память, воспоминание, аффективность, идентичность, субъективность, феноменология.

Феноменологическая теория воспоминания, в том виде, в котором она представлена в текстах Гуссерля, может быть понята только в развитии, в котором мы предлагаем различать три основных этапа.

* Статья подготовлена в рамках реализации проекта РГНФ № 10-03-00800а.

© А. Козырева, 2012

Первый этап относится к разработке феноменологической теории познания в лекциях зимнего семестра 1904–1905 гг. в Гёттингене «Основные проблемы феноменологии и теории познания».[1] На этом этапе Гуссерль находит решающую формулировку для воспоминания как акта *интуитивной ре-презентации* (anschauliche Vergegenwärtigung), который таким образом оказывается принадлежащим к той же группе интенциональных актов, что и фантазия, образное сознание и вчувствование (Einfühlung). Это определение подразумевает их отличие от актов интуитивной презентации *(*Gegenwärtigung*)*, особенность которых заключается в приведении к данности объектов в их живом присутствии. Главным представителем этой группы актов является, безусловно, восприятие. Иными словами, речь идет о различии между интуитивной данностью объекта, который присутствует здесь и сейчас, и интуитивной данностью отсутствующего объекта.

Это основополагающее различие на деле является не столько принципом классификации интенциональных актов, сколько их разделением, исходя из определенного единства. Это единство основывается в понятии «настоящего», «присутствия» (Gegenwart), которое есть не просто особенность актов восприятия, но также и основная характеристика интенционального сознания как такового. В этом смысле понятие *Vergegenwärtigung* соответствует такому определению актов сознания, которое подразумевает, что они не дают непосредственно свои объекты как присутствующие сейчас, как «настоящие», но ре-презентируют, реактуализируют их, осуществляют в *настоящем* сознания данность отсутствующих объектов. Подобное различие, таким образом, не является равным для обеих групп интенциональных актов, но основывается на безусловном приоритете «настоящего» в жизни сознания. Воспоминание, равно как и акты фантазии, образного сознания и вчувствования, заключает в себе своего рода «удвоение сознания», если воспользоваться выражением Рудольфа Бернета. С одной стороны, они суть переживания, которые реализуются в настоящем сознании некоего субъекта, но с другой стороны, они заключают в себе интенцию, которая приводит к данности отсутствующий феномен.

---

1 Третья часть «Phantasie und Bildbewusstsein» опубликована в XXIII томе Гуссерлианы: *Husserl E.* Phantasie, Bildbewusstsein, Erinnerung. Zur Phänomenologie der anschaulichen Vergegenwärtigungen. Texte aus Nachlass (1898–1925). Husserliana. Bd. XXIII. Den Haag: M. Nijhoff, 1980.

В случае воспоминания речь идет о реактуализации в настоящем сознании прошлого переживания. Подобное уточнение приводит нас, вслед за Гуссерлем, ко второму этапу проблематизации воспоминания, а именно к концепции «репродуктивного сознания», которая явилась результатом его работы с темой временности. Новая формулировка проблемы памяти подразумевает определенное смещение акцентов: от загадки «присутствия отсутствующего», характерной для актов ре-презентации, Гуссерль переходит к вопросу о «присутствии прошлого в настоящем». Акцент на временной аспект отсутствующего как «прошлого» говорит в пользу рассмотрения этой темы как части более обширной проблематики временности сознания, а не только в контексте сравнения воспоминания с фантазией и образным сознанием, как это было еще на первом этапе. Этот поворотный момент в анализе воспоминания представлен в «Лекциях по внутреннему сознанию времени»,[2] а также в последующих размышлениях Гуссерля о природе временности сознания.[3]

Основные идеи, относящиеся ко второму этапу в развитии теории памяти, суть понятия ретенциальной модификации (или первичного воспоминания) и репродуктивного сознания, которое осуществляется внутри импрессионального сознания настоящего. Благодаря открытию ретенциальной структуры протекания временных феноменов Гуссерлю удается объяснить принцип непрерывности импрессионального сознания настоящего, а также конституирования временного горизонта прошлого. Концепция репродуктивного сознания в свою очередь явилась ответом на вопрос о возможности воспроизведения прошедших переживаний в настоящем сознании.[4]

Что касается третьего этапа, то важно отметить, что он не просто приходит на смену анализам, разработанным ранее, но, сохраняя основные достижения предыдущих размышлений, открывает новые перспективы в понимании феномена воспоминания. Радикальное новшество

---

2 *Husserl E.* Zur Phänomenologie des inneren Zeitbewusstseins (1893–1917). Husserliana. Bd. X. Den Haag: M. Nijhoff, 1966.

3 См. например: *Husserl E.* Die Bernauer Manuskripte über das Zeitbewusstsein 1917–1918. Husserliana. Bd. XXXIII. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 2001.

4 Прекрасный разбор первого и второго этапов в теории воспоминания в контексте анализа актов интуитивной репрезентации можно найти в работах Рудольфа Бернета, в частности в главе «Образы или вымышленные объекты и репрезентирующее сознание» его книги *Conscience et existence. Perspectives phenomenologiques*. Paris: PUF, 2004.

феноменологического анализа на этом этапе, на котором мы хотели бы сосредоточиться в данной работе, состоит в открытии *аффективного измерения* субъективной жизни в целом и памяти в частности.

1. *Аффективность субъективной жизни*

Главная предпосылка для формулировки проблематики памяти и субъективности в терминах аффективности основывается на теории генетического конституирования, которую мы находим в таких работах Гуссерля, как «Анализы пассивного синтеза»[5] и «Опыт и суждение».[6] Согласно принципам генетической феноменологии, мы можем провести различие между, с одной стороны, уровнем активной и когнитивной интенциональности и, с другой стороны, уровнем пассивного и пре-когнитивного конституирования. В этом смысле «аффективность» относится к так называемому «до-предикативному» опыту, который генетически предшествует и делает возможной тематическую корреляцию между субъектом и миром. Пре-когнитивная корреляция по сути *аффективна*, поскольку все интенциональные и тематические переживания, направленные на нас самих, других людей, мир в целом и объекты в нем, предполагают, что мы всегда уже ими аффицированны, что их аффективное воздействие предшествует нашему активному, и в этом смысле когнитивному, осознанию их как объектов, данных в опыте. Мы предлагаем, таким образом, основываясь на различии между уровнем пассивного и активного конституирования, провести также фундаментальное различие между аффективной и когнитивной корреляцией. При этом, важно отметить, что понятие аффективности (Affektivität) и аффицирования (Affektion) в данном случае не ограничиваются сферой аффектов, чувств и влечений, но обозначают более широкую область «первичной чувственности», включающую в себя помимо всего вышеперечисленного, также аффицирование как воздействие на органы чувств. Таким образом, аффицирование в широком смысле слова охватывает любое пре-когнитивное взаимодействие между субъектом и «чувственной материей», будь то воздействие со стороны условного «внешнего объекта» или «само-аффицирование». Более того, в дальнейшем мы попытаемся показать, что сфера аффектив-

---

5 *Husserl E.* Analysen zur passiven Synthesis. Husserliana. Bd XI. Den Haag: M. Nijhoff, 1966.

6 *Husserl E.* Erfahrung und Urteil. Untersuchungen zur Genealogie der Logik / hrsg. von L. Landgrebe. Prag, 1939.

ности не ограничивается лишь «живым настоящим», но включает в себя также и «аффективный горизонт прошлого».

Появление проблематики аффективности связано с текстами, относящимися к так называемым Бернау-манускриптам, которые, согласно издателям XXXIII тома Гуссерлианы, представляют собой «переход к генетической феноменологии».[7] В тексте № 14 Гуссерль предлагает углубить анализ временного конституирования посредством редукции к «первичной чувственности» (ursprüngliche Sensualität).[8] К этой сфере относится различие между уровнями чувственности, основанное на участии «Я». С одной стороны, речь идет об аффицированиях, воздействиях на «Я» и реакциях «Я» (и все это в сфере первичной пассивности); с другой же стороны, Гуссерль говорит об аффективных тенденциях, не принадлежащих какому-либо «Я» (völlig ichlosen), к которым относятся «чувственные тенденции ассоциации и репродукции».[9]

В качестве основательно разработанного сюжета проблематика аффективности появляется в лекциях по трансцендентальной логике двадцатых годов, известных как «Анализы пассивного синтеза». Там Гуссерль сталкивается с границами интенционального анализа актов *cogito* и анализа временности сознания. Он подчеркивает, что конституирование временности сознания ограничено чистой и абстрактной формой последовательности и непрерывности опыта, а также формой воспроизведения и предвосхищения в отношении прошлого и будущего опыта. Однако анализ формы не может объяснить возможность конституирования уникальности объекта и его отличия от других объектов. Гуссерль говорит об этом в § 27, в разделе, посвященном проблеме ассоциации, указывая, что «интенциональный анализ сознания времени и его осуществления есть лишь абстрактный анализ»,[10] поскольку он затрагивает только конституирование формы, но не особенностей содержания. По ту сторону интенционального анализа времени остается, таким образом, целая область фактичной и конкретной жизни субъекта. И можно утверждать, что в данном тексте цель Гуссерля состоит как раз в том,

---

7 *Bernet R., Lohmar D.* Einleitung der Herausgeber // Husserl E. Die Bernauer Manuskripte über das Zeitbewusstsein 1917–1918. Husserliana, Bd. XXXIII, Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 2001. S. XLVI.

8 *Husserl E.* Die Bernauer Manuskripte. Op. cit. S. 275.

9 Ibid. S. 276.

10 *Husserl E.* Analysen zur passiven Synthesis. Op. cit. S. 128.

чтобы сделать предметом феноменологического исследования конституирование и генезис этой конкретной субъективной жизни в той мере, в какой она является в своей фактичности всегда уже пред-данной до всякого возможного когнитивного осмысления.

В конечном итоге, именно проблематика пред-данности (Vorgegebenheit) позволила Гуссерлю тематизировать измерение *жизни* субъекта. Идея пред-данности создает определенный разрыв между интенциональностью актов *cogito* и тем, что им предшествует, до осуществления какого-либо когнитивного акта. В этом смысле пред-данность относится к аффективному порядку опыта сознания, в котором мы оказываемся аффицированы миром еще до осуществления способности познавать его. Эта расположенность к аффицированию может рассматриваться как первичная и конститутивная для пре-когнитивного опыта характеристика субъективной жизни.

В отношении этого нового измерения субъективности, которое открывают данные исследования Гуссерля, мы хотели бы сформулировать следующий вопрос: *если временные синтезы конституируют последовательность и длительность протекания опыта сознания, равно как и единство и идентичность субъективной жизни, то возможно ли проблематизировать, помимо указанного, также и иной вид единства и идентичности жизни субъекта, которая была бы конституирована не на основании ее временной формы, но на основании ее конкретного содержания?*

На наш взгляд, в «Анализах пассивного синтеза» Гуссерль развивает тему конституирования подобной идентичности (или, по меньшей мере, открывает возможность для ее развития) как идентичности субъективного генезиса. В более точном смысле я предлагаю в дальнейшем говорить об *аффективной идентичности* субъекта, основание которой необходимо искать в конкретных отношениях единства между настоящим и прошлым субъективной жизни.

Интересная формулировка этой проблемы, которая может послужить введением в сферу феноменологических исследований памяти, находится в § 26 обсуждаемого текста: «*Каким образом все настоящее может в конечном итоге вступить в отношения со всем прошлым и, по ту сторону живой ретенции, с целой областью забвения*?»[11] С одной стороны, речь идет о близости, родстве между настоящим и прошлым в нашем опы-

11 Ibid. S. 123.

те. Любое переживание может с легкостью пробудить в нас бесконечное количество ассоциаций, так что каждый незначительный фрагмент настоящей жизни предстанет как несовершенное отражение ее целого. Но с другой стороны, речь идет также и о чуждости между настоящим и прошлым. Непосредственным знанием об этой чуждости обладает каждый, задававшийся вопросом о том, что же на самом деле общего между моим актуальным *я* и тем *я*, что было мной ранее. Аналогия между воспоминанием и опытом встречи с Другим (Fremderfahrung), которую проводит Гуссерль в поздних текстах по феноменологии интерсубъективности,[12] не случайна в виду этого простого факта чуждости моего прошлого и субъекта этого прошлого по отношению к моему настоящему. И даже, несмотря на то, что идентичность временности гарантирует формальное единство субъективности, она также провоцирует и определенное замешательство, поскольку не является достаточной для понимания не просто формальной, но конкретной, содержательной идентичности между мной в настоящем и в прошлом, между мной и другим. Каким образом каждая часть и целое моей настоящей жизни связаны с каждой частью и целым моей прошедшей жизни? Или, переформулировав этот вопрос также и в горизонте проблематики интерсубъективности: что именно объединяет нас в отношениях с другими и с тем, какими мы были, по ту сторону формального временн*о*го единства и по ту сторону эксплицитного и когнитивного опыта?

2. *Феномен памяти*

Значение памяти для вопроса об идентичности субъекта является с одной стороны самоочевидным, поскольку именно память ответственна за связь настоящего и прошлого в единый опыт, принадлежащий одному и тому же субъекту. С другой же стороны, подобная очевидность может скрывать за собой определенное понимание и субъективности и памяти, как основанного в идее тождественного самосознания, которое и является гарантом идентичности опыта и связности настоящих и прошедших переживаний. Отчетливое выражение этой идеи принадлежит Джону Локку.[13] Уже Дэвид Юм ставит под вопрос идею персональной идентич-

---

12 *Husserl E.* Zur Phänomenologie der Intersubjektivität, Dritter Teil. Husserliana. Bd XV. Den Haag: M. Nijhoff, 1973. Text Nr. 32. S. 576.

13 «For, since consciousness always accompanies thinking, and it is that that makes everyone to be what he calls self, and thereby distinguishes himself from all other thinking

ности, основанную на тождественности сознания или мышления (картезианского *cogito*), и отличает от нее идентичность, которая относится к уровню страстей и нерефлексивного отношения к себе.[14] Развитие этих тенденций новоевропейской философии приобрело большое значение в современной феноменологической и аналитической философии. Основная интрига, если попытаться сформулировать ее кратко, состоит в противопоставлении активной, рефлексивной и когнитивной стороны субъективности тому, что составляет ее пассивную, пре-рефлексивную и аффективную идентичность. В этой связи важно упомянуть дискуссию о различии между минимальной и нарративной самостью, которая сегодня получила широкое распространение.[15] Наша задача, однако, заставляет нас воздержаться на данный момент от обращения к этим, безусловно, продуктивным исследованиям и сформулировать то, каким образом возможно феноменологическое исследование аффективного измерения памяти, которому мы отводим решающую роль для конституирования идентичности субъекта.

На наш взгляд, состоятельная теория памяти должна быть способна объяснить три основных проблемы, которые являются конститутивными для этого феномена. Во-первых, речь идет о проблеме *ретенции*: каким образом воспринятое впечатление переходит из настоящего в прошлое, так, что оно не исчезает полностью из сферы сознания, но в то же время оставляет место для новых впечатлений? Или, иными словами: как возможна первичная модификация настоящего в прошедшее? Второй во-

---

things: in this alone consists personal identity, i.e. the sameness of a rational being. And as far as this consciousness can be extended backwards to any past action or thought, so far reaches the identity of that person: it is the same self now it was then, and it is by the same self with this present one that now reflects on it, that that action was done» (*Lock J.* An Essay Conserning Human Understanding: in 2 Vol. Vol. I. London: Dent; New York: Dutton, 1961. P. 281).

14 «What then gives us so great a propension to ascribe an identity to these successive perceptions, and to suppose ourselves possest of an invariable and uninterrupted existence through the whole course of our lives? In order to answer this question, we must distinguish between personal identity, as it regards our thought or imagination, and as it regards our passions or the concern we take in ourselves» (*Hume D.* A Treatise of Human Nature. Oxford: Clarendon Press, 1896. Book I. Part IV. Section VI).

15 См., например*: Ricœur P.* L'identité narrative // Esprit. 1988. № 7–8; *Ricœur P.* Soi-même comme un autre. Paris: Seuil, 1990; *Schechtmann M.* The Constitution of Selves. Ithaca: Cornell University Press, 1996; *Tengelyi L.* Der Zwitterbegriff Lebensgeschichte. München: Wilhelm Fink Verlag, 1998; *Zahavi D.* Subjectivity and Selfhood: Investigating the First-Person Perspective. Cambridge (Mass.): MIT Press, 2008.

прос связан с возможностью *воспоминания*: каким образом прошедшее переживание и его объект могут быть воспроизведены в настоящем сознании? И каким образом этот процесс осуществляется в длительности опыта того же самого сознания? И, в-третьих, речь идет о понимании того, как *конституируется прошлое*: каким образом нечто может сохраняться в памяти после того, как оно покинуло сферу настоящего сознания и до того, как оно вернулось в настоящее в форме воспоминания? Каков статус этого прошлого: является ли оно просто некой теоретической конструкцией, необходимой для целостного представления о памяти? Принадлежит ли оно к сфере сознания или бессознательного и как можно понять феноменологический и онтологический статус прошлого, ставшего бессознательным? И, наконец, каков аффективный статус прошлого, может ли оно оказывать воздействие на настоящее сознание?

Все три указанных темы составляют структуру феноменологического анализа феномена памяти в целом, также и в ее аффективном измерении. Мы уже упоминали, что сфера пассивного и, соответственно, аффективного конституирования охватывает уровень пре-когнитивного взаимодействия между субъектом и миром. Теперь мы хотим подчеркнуть, что этот уровень аффективности субъективной жизни ни в коей мере *не* ограничивается сферой живого настоящего, но включает в себя также измерение прошлой жизни, без которой не может быть и речи о целостной субъективности, обладающей опытом. В этом смысле исследование аффективного измерения феномена памяти является составной частью более широкой проблематики конституирования аффективной субъективности.

Что касается конкретной структуры исследования аффективного измерения памяти, то мы полагаем возможным, на основании «Анализов пассивного синтеза», рассмотрение ретенции не только как темпоральной, но и как «аффективной модификации», воспоминания — с точки зрения того, что Гуссерль называет «аффективным пробуждением», и, наконец, конституирования «аффективного горизонта прошлого» и связанной с ним проблематики бессознательного.[16]

---

16 Частичный анализ аафективного измерения этих трех структурных моментов феномена памяти можно найти: *Козырева А. С.* Интенсивность аффективной силы между воспоминанием и повторением в феноменологии Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 131–138.

В данной работе я предлагаю сосредоточить наше внимание на втором вопросе и провести анализ аффективной стороны воспоминания на основании соответствующих разделов «Анализов пассивного синтеза».[17]

3. *Воспоминание и «аффективное пробуждение прошлого»: первичное различие*

Для начала сформулируем кратко, в чем состоит аффективная сторона первичной памяти (ретенции). Ретенциальный процесс помимо временной модификации представляет собой также процесс аффективного ослабления впечатлений, что предполагает потерю их аффективной живости, но не смысла переживаний, который сохраняет свою тождественность на протяжении всех темпоральных и аффективных преобразований. В случае ближайшего прошлого смысл сохраняется в форме пустой ретенции, или, когда речь идет о далеком прошлом, в форме пустого представления. На феноменальном уровне ослабление аффективной силы ответственно за потерю интуитивного характера интенциональных переживаний, что влечет за собой их исчезновение из свойственной им сферы данности (как, например, данность в восприятии, в фантазии и т. п.). Однако это не означает, что аффективный и интуитивный характер переживаний — одно и то же. Интуитивное представление есть противоположность пустого представления: даже если пустые представления или ретенции не являются более созерцательными, это не означает, что они также оказываются лишенными и какой-либо аффективной силы.

Этот важный момент отсылает нас к фундаментальному различию между интуитивными актами и актами придания значения в «Логических исследованиях».[18] Так, если последние представляют свои объекты как знаки, без соответствующего созерцательного наполнения, то интуитивные акты (как презентирующие, так и ре-презентирующие), по сути, являются актами приведения к данности в созерцании, интенциями, в которых их объекты представлены в соответствующих им способах данности: объекты восприятия — восприняты, воспоминания — вспомнены

---

17 Речь идет главным образом о третьей главе *Осуществление аффективного пробуждения и репродуктивная ассоциация*, относящейся к разделу *Ассоциация*.

18 *Husserl E.* Logische Untersuchungen. Zweiter Band. Zweiter Teil. Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis. Husserliana. Bd. XIX/2. Den Haag: M. Nijhoff, 1984. S. 586.

и т. п. Означивающие акты отсылают к тому объекту, который сам не дан, тогда как интуитивный акт, напротив, направлен на сам объект. Например, выражение «синяя лошадь» лишь пробуждает определенный смысл, тогда как действительный взгляд на картину дает нам этот объект в присущем ему созерцательном модусе, в данном случае, в качестве воспринятого художественного образа.

Когда Гуссерль говорит о том, что созерцательно наполненные интенции модифицируются в пустые представления, он имеет в виду, что, во-первых, смыслы этих интенций не изменяются; во-вторых, что они подвергаются темпоральному преобразованию и становятся таким образом все более и более прошедшими; в-третьих, что они теряют свою аффективную силу и вместе с ней способность воздействовать на актуальное сознание; и наконец, в-четвертых, что они теряют свой интуитивный характер и переходят из созерцательной данности в форму пустого представления. Безусловно, речь не идет о последовательности вышеперечисленных изменений, но о принципиальных моментах единого процесса ретенциальной модификации.

Это различие между аффективностью и интуитивностью имеет также большое значение для понимания того, что представляет собой «репродуктивное пробуждение» аффективно мертвых смыслов. Подобное пробуждение означает, прежде всего, что смысл, сохранившийся в форме пустого представления, вновь становится аффективно живым,[19] что подразумевает, что его аффективная сила возрастает до состояния достаточного для воздействия на настоящее сознание. Однако само по себе аффективное пробуждение смысла еще не равнозначно его приведению к интуитивной данности. Исключительно когда пробужденные пустые представления приобретают статус интуитивных воспроизведений, мы можем с полным правом говорить о воспоминании.

Необходимо таким образом установить это крайне важное различие между *«аффективным пробуждением прошлого»* и *воспоминанием*: если первое есть процесс увеличения аффективной силы забытого смысла, то второе представляет собой осуществление в настоящем сознании интуитивного акта, ре-презентирующего заново объект прошлого переживания. Несмотря на это различие, оба момента глубоко связаны между собой: «Во всех случаях имеет силу закон, согласно которому воспоминания могут возникнуть исключительно на основании пробуждения пустых

19 Ibid. S. 178.

представлений».[20] Под вопросом в этой связи остается то, возможно ли, что аффективно пробужденные смыслы могут принимать иные формы своей реактуализации (помимо воспоминания), или каким образом пробужденные смыслы пустых представлений могут аффицировать сознание, если они вообще не переходят в форму ре-презентирующих актов.

4. *Условия репродуктивного пробуждения*

Гуссерль различает как минимум два типа аффективного пробуждения (Weckung): «пробуждение того, что уже для себя осознано, и пробуждение скрытого».[21] Это различие можно понять исходя из определения аффицирования (Affektion) как возникающего в результате борьбы предданных аффективных тенденций. Речь идет о возникновении нового аффицирования в импрессиональном сознании, которое до того как стать осознанным *для нас* (то есть для сознания как воздействующий на него объект) уже является осознанным *для себя*. Пробуждение есть, таким образом, своего рода аффективная встреча аффицированного «Я» и аффицирующего объекта, что также означает, что аффективное пробуждение есть необходимое условие пробуждения самого интенционального сознания, которое в противном случае оставалось бы *ichlose*, равно как и *objektlose*. Стоит также отметить, что в манускриптах группы *D* встречается подобное различие между «пробуждением от сна» («Erweckung vom Schlaf») и «пробуждением в сфере бодрствующей жизни» («der Weckung in der Sphäre des Wachlebens»).[22]

Необходимое условие аффективного пробуждения в обоих случаях (сознания как такового и забытых смыслов для сознания) связано с увеличением аффективной силы соответствующего впечатления. В манускриптах группы *D* Гуссерль описывает этот процесс как «восполнение силы седиментированных смыслов через пробуждающую ассоциацию».[23] Это предполагает, что имплицитные и седиментированные смыслы уже не обладают никакой (или же очень слабой) аффективной силой и вследствие этого нуждаются в своего рода аффективном усилении, источник которого должен находится, по мнению Гуссерля, в аффективности присущей актуальной сфере живого настоящего. Механизм подобного аф-

---

20 Ibid. S. 181.

21 Ibid. S. 172.

22 *Husserl E.* Ms D14/13a. Неопубликованные манускрипты Э. Гуссерля цитируются в данной статье с любезного разрешения директора Архива Гуссерля в Левене профессора Ульриха Мелле.

23 «…das Kraftgewinnen des Sedimentierten durch weckende Assoziation» (Ibid.).

фективного подкрепления забытых смыслов посредством аффективной силы настоящих переживаний составляет основание репродуктивного синтеза ассоциации, который ответственен за пробуждение скрытого.

На этом этапе мы можем различить несколько проблем. Так, первый вопрос в рамках общей проблемы репродуктивного пробуждения смыслов связан с установлением «*аффективной коммуникации*», которая делает возможным «перенесение аффективной силы»[24] с «живой» интенции настоящего сознания на ассоциативно связанное с ним пустое представление, лишенное аффективной силы. Второй вопрос касается *мотивов* для этой коммуникации, которые также должны происходить из сферы живого настоящего. Что касается третьего вопроса, то речь идет о различии между, с одной стороны, аффективным пробуждением пустых ретенций, принадлежащих ближайшему прошлому и еще не утративших окончательно свою аффективную силу и, с другой стороны, пробуждением смыслов, принадлежащим отдаленному прошлому или сфере забвения, которая соответствует, согласно Гуссерлю, нулевому уровню аффективности, и которую он называет «бессознательным». Для начала обратимся к первому вопросу, а именно, к учреждению аффективной коммуникации.

а) *Аффективная коммуникация*

Введение этого концепта необходимо для объяснения того, каким образом седиментированные в прошлом забытые смыслы могут вновь приобрести аффективную живость и вернуться в сферу актуального сознания. Гуссерль подчеркивает, что решающим условием для этого является сохранение объективных смыслов, лишенных аффективной силы (или же сохранивших ее в очень небольшом количестве), в бессознательном. Другое необходимое условие заключается в возможности установить связь или аффективную коммуникацию между прошедшим смыслом, с одной стороны, и смыслом, принадлежащим к сфере настоящей жизни сознания, с другой: «Пробуждение возможно прежде всего потому, что конституированный смысл действительно находится в сознании заднего плана в имплицитной и неживой форме, которая называется здесь бессознательным. Пробуждение есть в данном случае также установление аффективной коммуникации и, вместе с тем, установление актуально-

24 *Husserl E.* Analysen zur passiven Synthesis. Op. cit. S. 180.

го синтеза, предметной связи, действительно установленной в качестве связи, как простой, для себя аффективный, объект».[25]

Основным принципом аффективной коммуникации является, согласно Гуссерлю, ассоциация. В целом, ассоциация есть универсальный принцип пассивных синтезов и несет ответственность за формирование смысловых и аффективных единств не только между прошлым и настоящим, но также и в сфере самого живого настоящего. Гуссерль различает несколько видов ассоциативных синтезов, как например, формальные временные синтезы одновременности и последовательности или содержательные ассоциативные синтезы контраста и подобия. Именно эту последнюю ассоциацию на основании подобия Гуссерль рассматривает как фундаментальное основание аффективной коммуникации: «Первый синтез, который стал возможным посредством аффективной коммуникации, установленной через перенесение аффективной силы, есть естественно синтез ставшего осознанным подобия между пробуждающим и пустым представлением, пробужденным».[26]

Это ретроактивное пробуждение или перенесение аффективной силы с того, что пробуждает на пробуждаемое является возможным в первую очередь благодаря схожести содержания: так актуально воспринятый цвет может пробудить подобный ему цвет, скрытый в прошлом, актуальный звук — тот звук, который был воспринят ранее и т. д.[27] Безусловно, речь не идет об установлении произвольной ассоциации, основанной на осознанной операции сравнения. Гуссерль рассматривает ассоциацию на уровне пассивности субъективной жизни, на котором синтезы производятся без активного участия ego. В качестве примера осуществления подобной аффективной коммуникации можно привести знаменитое описание случая непроизвольной памяти (mémoire involontaire) в романе Марселя Пруста, когда вкус печенья Мадлен пробуждает в герое целый мир воспоминаний его детства. В перспективе этой идеи прошлое и настоящее оказываются связанными бесконечностью актуальных и потенциальных аффективных связей, которые конституируют аффективное единство индивидуальной жизни в ее непрерывности.

Внутренний механизм аффективной коммуникации останется непроясненным, если не учитывать те мотивы, которые делают возможным

25 Ibid. S. 179.

26 Ibid. S. 180.

27 Ibid. S. 179.

перенос аффективной силы с актуальных смыслов на смыслы, покоящиеся в забвении.

б) *Мотивы аффективного пробуждения*

В действительности, ассоциация на основании подобия — это уже мотив для пробуждения скрытых смыслов, вопрос заключается лишь в том, является ли она достаточным и единственным мотивом. Потенциально все данные чувств могут провоцировать бесконечное число репродуктивных пробуждений, однако на деле так не происходит. Наш опыт (или, по меньшей мере, опыт большинства из нас) не состоит из непрерывных воспоминаний, пробужденных цветами, запахами и всеми окружающими нас объектами. Даже если седиментированные в глубине прошлого смыслы готовы к тому, чтобы вернуться на поверхность сознания, они не всегда встречают благоприятные для этого условия. Интуиция Гуссерля заключается в том, что репродуктивное пробуждение, равно как и пробуждение в первичной импрессиональной сфере, нуждаются в дополнительных мотивах, которые относятся к области интересов и влечений. Гуссерль настаивает на том, что пробуждающие смыслы, равно как и сопутствующие им мотивы, принадлежат с необходимостью живому настоящему и присущей ему уникальной аффективной конфигурации: «Мотивы должны находиться в живом настоящем, в котором наиболее эффективными являются те мотивы, о которых мы не можем отдать себе отчет, те, которые являются «интересами» в широком и привычном смысле слова, первичные или же приобретенные оценки души (Gemüt), инстинктивные или уже высшие влечения и т. д.»[28] Схожую идею мы находим также в тексте Ойгена Финка «Ре-презентация и образ» (Vergegenwärtigung und Bild): «Лишь интерес может пробиться сквозь забвение. Внутренняя история опыта может быть прояснена только когда интересы, пробужденные ассоциациями, проникают в нее».[29]

Эта проблематика принадлежит весьма значительной и важной части генетической феноменологии, известной под именем феноменологии инстинктов и влечений. За более детальным обзором этой достаточно сложной теории мы отсылаем читателя к обстоятельной работе корейского феноменолога Нам-Ин Ли «Феноменология инстинктов»,[30] в данном

28 Ibid. S. 178.

29 *Fink E.* Vergegenwärtigung und Bild. Beiträge zur Phänomenologie der Unwirklichkeit // Ders. Studien zur Phänomenologie 1930–1939. Den Haag, 1966. S. 32.

30 *Nam-In Lee.* Edmund Husserls Phänomenologie der Instinkte. Dordrecht: Kluwer Publishers, 1993.

же случае позволим себе ограничиться лишь указанием на один момент, связанный с предметом нашего интереса. Речь идет о различии двух типов мотивации: активной мотивации «Я» (также называемой мотивацией разума, *Vernunftmotivation*) и уровнем пассивных или ассоциативных мотиваций. Эти последние и есть мотивации посредством инстинктов и влечений. В целом они выражают импульсивную сторону аффективных «тенденций», которые стремятся к своему исполнению в аффицировании и в следующим за ним активном внимании «Я». Заметим, однако, что эта сторона пассивной мотивации соответствует лишь одному из возможных смыслов «интереса», а именно тому, что ведет от влечения к его выражению в актуальном аффицировании.

Другой смысл имеет отношение к тем мотивам, которые принадлежат к сфере чувств и аффектов. Использование термина «интерес» для определения мотивации аффективного пробуждения вводит в анализ аффективности целое «эмотивное» измерение аффектов, чувств и чувственных влечений. Это измерение играет также важную роль в случае аффективного пробуждения не только забытых смыслов, но и пробуждения в сфере живого настоящего, которое происходит благодаря борьбе между конкурентными аффективными тенденциями. Аффекты и чувственные влечения выполняют функцию аффективного усиления тех тенденций, с которыми они связаны. Примеры для этого мы можем найти как на самом элементарном уровне, когда чувство голода усиливает связанные с ним ощущения, так и на более высоких уровнях психического функционирования, когда те или иные аффекты усиливают прямо или же косвенно связанные с ними представления.

Прояснение того, что Гуссерль подразумевает под термином «интерес», мы находим в § 20 «Опыта и суждения»: «Мы говорим об *интересе*, который пробуждается вместе с обращением к предмету. Теперь ясно, что этот интерес еще не имеет ничего общего с неким специфическим волевым актом. Это не тот интерес, который приводил бы к намерениям или преднамеренным действиям. Это есть простой момент стремления (Streben), который принадлежит к сущности нормального восприятия. То, что мы при этом говорим именно об интересе связано с тем, что вместе с этим стремлением рука об руку идет чувство (Gefühl), а именно, позитивное чувство, которое, однако, не следует смешивать с благорасположением (Wohlgefühl) по отношению к предмету».[31]

---

31 *Husserl E.* Erfahrung und Urteil. Untersuchungen zur Genealogie der Logik / hrsg. von L. Landgrebe. Prag, 1939. S. 91.

Также в тексте 1923 года, который издатели будущего тома Гуссерлианы, посвященного «Структурам сознания», подготовили к публикации под именем «Аффицирование и внимание. Стремление как всеобщая модальность сознания» («Affektion und Attention. Streben als allgemeine Modalität des Bewusstseins»), Гуссерль говорит о своего рода «первичной чувственной интонации» (ursprüngliche Gefühlston), которая характеризует осуществление всех интуитивных актов. Так, различая между двумя типами стремления, — а именно «стремления к познанию» (Erkenntnisstreben), с одной стороны, и «стремления к удовольствию» (das Streben «nach Lust, das Fliehen der Unlust»),[32] с другой, он задается вопросом: «*Не должны ли мы сказать: a priori жизнь есть стремление в этом двойном смысле слова?* Модус объективируемого наполнения (восприятие, модификация в ясном воспоминании, в определенном смысле, также ясная фантазия) обладает некой первичной чувственной интонацией».[33]

Можем ли мы на основании этого сделать вывод, что эта «чувственная интонация» (Gefühlston) является основанием для установления аффективной связи и аффективного пробуждения? Возможно ли таким образом предположить наличие ассоциативной связи между эмоциональной тональностью настоящего и прошлого, выступающего в качестве мотивации для репродукции забытых смыслов? Например, как в случае, когда желание служит мотивом для пробуждения переживаний, связанных с объектом этого желания, или же для подавления тех представлений, которые входят с ним в противоречие. Очевидно, однако, что тематизация подобных вопросов довольно ограничена в рамках одной лишь феноменологии, и что эмпирические исследования являются здесь необходимыми. Как психоаналитическая методология, так и психологические исследования, вязанные с влиянием эмоций на процессы запоминания и воспроизведения, могут предоставить необходимые для развития этой проблематики примеры и разъяснения.

c) *Пробуждение из сферы ближайшего и отдаленного прошлого*

Условия репродуктивного пробуждения зависят не только от мотивов и аффективной организации актуальной жизни сознания, но также и от

---

32 *Husserl E.* Ms A VI 26/87a.

33 «*Sollen wir sagen: A priori ist das Leben Streben und in diesem doppelten Sinn?* Der Modus der objektivierenden Fülle (Wahrnehmung, modifiziert klare Erinnerung, in gewisser Weise auch klare Phantasie) hat einen ursprünglichen Gefühlston» (Ibid.).

аффективности прошлого. Решающим значением в этом смысле обладает различие между сферой ближайшего и отдаленного прошлого. Само это различие основано не только на принципе временной удаленности, но и на уровне аффективной живости прошлого. Так, для ближайшего прошлого, как постоянно модифицируемого горизонта свежих и пустых ретенций, характерно наличие ослабленной, но все еще действительной аффективной силы. Отдаленное прошлое, напротив, представлено Гуссерлем в терминах «мертвого горизонта», области забвения и бессознательного, в которой прошедшие смыслы сохранены в форме пустых представлений, совершенно лишенных аффективной силы. Отвлекаясь в данном контексте от тематизации того, что представляет собой этот «аффективный горизонт прошлого», обратимся к вопросу, каким образом осуществляется репродуктивное пробуждение смыслов из ретенциально модифицированной сферы ближайшего прошлого и аффективно безжизненной области бессознательного.

Первый тип «ретроактивного пробуждения» описан Гуссерлем как своего рода ретенциальная модификация наоборот, а именно: «…превращение пустой ретенции, в которой предметный смысл представлен в аффективно слабом или ничтожном виде, во все еще пустую ретенцию, в которой его аффективность уже возросла, так что он как бы “выступает наружу” из “тумана” и впоследствии оказывается ощутимым и схваченным в своей особенности».[34]

С целью проиллюстрировать осуществление подобного пробуждения смысла из пустой ретенции, Гуссерль приводит в пример восприятие серии ударов молотка. В этом случае речь идет о синтезе, основанном на схожести предметных смыслов: даже если модусы данности и аффективная интенсивность двух последовательных ударов различны (модус импрессиональной данности актуального удара и данность в пустой ретенции уже прозвучавшего удара), их смыслы, тем не менее, остаются идентичными. И поскольку прошедший смысл еще сохраняет свое присутствие как бы в «приглушенном» виде (отметим, речь идет не о действительном приглушенном звуке, но о приглушенной, ослабленной степени интенсивности его сознания), он может образовать общность с актуальным смыслом. Посредством подобного синтеза смысловой идентификации становится возможным установление аффективной коммуникации и, как следствие, аффективное пробуждение: «Аффективное

34 *Husserl E.* Analysen zur passiven Synthesis. Op. cit. S. 174–175.

пробуждение направляется от аффективной силы (последнего удара) назад к тому, что ему подобно по смыслу».[35] Таким образом, можно заметить, что здесь Гуссерль дополняет свой анализ длительности временного феномена идей «ретроактивного пробуждения» как необходимого условия сохранения его смысловой идентичности.

В данном примере идентификация предметных смыслов была возможной благодаря их еще активной, хотя и ослабленной, аффективной интенсивности. Однако, напрашивается вопрос: каким образом подобный синтез идентификации может иметь место, если смыслы прошедших переживаний полностью затерялись в прошлом, утратив свою аффективную живость и, что самое важное, свои аффективные связи с живым настоящим? Тем не менее, для Гуссерля прекращение процесса ретенциальной модификации и аффективное исчерпывание прошедших смыслов не равнозначно их тотальному исчезновению. Дело в том, что даже если темпоральная и аффективная модификация прошедших смыслов прекращается, дойдя до нулевого предела, то постоянно обновляющаяся жизнь импрессионального сознания и его все новых ретенциальных модификаций не останавливается никогда (до тех пор, конечно, пока речь идет о *живом, т. е. импрессионально активном* сознании). Это предполагает, что все смыслы (даже утратившие живость), принадлежащие к горизонту живого сознания, сохраняются как части этого целого, которым с точки зрения актуальной жизни субъекта является его прошлое. Таким образом, очевидно, Гуссерль не видит особых препятствий для того, чтобы даже аффективно безжизненные смыслы могли войти в коммуникацию с актуальными смыслами, если необходимые условия их аффективного сближения выполнены.

В завершении наших размышлений об условиях аффективного пробуждения прошлого в «Анализах пассивного синтеза», необходимо отметить, что подобные априорные «законы» могут касаться лишь общих условий возможности. В конкретной субъективной жизни пробуждение прошлого всегда подвластно случаю[36] и эмпирическим условиям.[37]

---

35 Ibid. S. 176.

36 «Zufälligkeiten der Erweckung früherer Vergangenheit» (*Husserl E.* Einleitung in die Philosophie. Vorlesungen 1922/1923. Husserliana. Bd XXXV / hrsg. von B. Goossens. Kluwer, 2002. S. 420).

37 «Nicht alles Vergessene, selbst wenn ich an einer Wiedererinnerung schon den Leitfaden in der Hand halte für das vorwärtsgerichtete Stück der vergangenen Zukunft, ist de facto wiedererweckbar. Die Erweckung steht unter empirischen Bedingungen» (Ibid.).

5. *Преобразование пробужденной интенции в воспоминание*

Когда условия для репродуктивного пробуждения выполнены и некий прошедший смысл приобретает новую аффективную силу посредством ассоциативного синтеза, он может вновь аффицировать сознание. Однако, это еще не значит, что он становится объектом воспоминания. Аффективное пробуждение приводит смысл не к созерцательной данности, но к своего рода оживлению, выходу из забвения.[38] Чтобы первое стало действительным, пробужденный смысл должен стать предметом акта воспоминания, осуществляемого в актуальном сознании. Гуссерль уделяет большое значение этому различию между пробужденным от забвения смыслом и воспоминанием, равно как и преобразованию одного в другое. Так, в § 38 он описывает то, каким образом «пробуждение превращается в воспоминание»: «Естественно, этот переход происходит как синтез идентичности, который есть осуществление в созерцании воспоминания, ре-конституирование предметного, но в модусе возвращения вновь в чему-то знакомому, в модусе нового приведения его к присутствию, — не в действительном переживании, но в опыте “как если бы”».[39]

В § 39 он также указывает, что «репродуктивная тенденция есть тенденция к ре-конституированию соответствующей предметности».[40] Гуссерль не случайно употребляет здесь слово «тенденция», которое характерно для его размышлений об инстинктах и влечениях в сфере пассивного конституирования. Это дает нам право предположить, что репродуктивные аффективные тенденции, равно как и все остальные, естественным образом стремятся к интуитивной реализации в репрезентирующем акте (таком, как воспоминание) или же в восприятии.

Чтобы понять, каким образом аффективные тенденции становятся в итоге интуитивными интенциональными актами, необходимо прежде всего понять в чем состоит их различие. Выше мы уже говорили о различии между аффективностью и интуитивностью. Другое сущностное различие, на которое необходимо сейчас обратить внимание, это различие между пассивной и аффективной интенциональностью, с одной стороны, и активной и когнитивной интенциональностью, с другой.

Одно из наиболее значительных открытий генетической феноменологии состоит в методическом разделении двух уровней конституирования

---

38 «Sie bringt es nicht etwa zur Anschauung, aber doch zu einer Entnebelung» (*Husserl E.* Analysen zur passiven Synthesis. Op. cit. S. 176).

39 Ibid. S. 182.

40 Ibid. S. 183.

предметности. С одной стороны, речь идет об уровне активной интенциональности, об активности, осуществляемой самосознающим субъектом, внимание которого обращено на данный ему предмет. С другой стороны, Гуссерль различает уровень пред-данности и пассивного конституирования, на котором речь идет об аффицировании, аффективном пробуждении скрытых смыслов, первичной чувственной материи восприятия и т. п. С целью сделать это различие концептуально более ясным, мы предпочитаем говорить о различии между аффективной пред-данностью и когнитивным схватыванием. *Cogito* относится к осуществлению тематического акта самосознающим субъектом (ego), тогда как аффицирование (Affektion) в широком смысле слова (не ограниченном сферой аффектов) обозначает то, что имеет место на уровне пре-когнитивного схватывания, то, что относится к порядку *жизни* субъекта.

Анализ аффективного конституирования не ограничен теми воздействиями и аффективными тенденциями, которые исходят от «объектов» (отметим, что речь не идет об интенциональных объектах тематического сознания, а о чувственной материи, о «чуждом-для-меня»[41]), но включает в себя также аффективные тенденции, которые исходят от самого субъекта. Аффективный характер субъективной жизни есть, по сути, «стремление», влечение (вспомним вопрос Гуссерля: «*Не должны ли мы сказать: a priori жизнь есть стремление в этом двойном смысле слова?*»). Помимо субъективных тенденций, которые принадлежат области чувств (Gefühle), речь идет также и о тенденциях к интуитивному наполнению, осуществлению актов, приводящих к данности своих предметы, т. е. о тенденциях к осуществлению *когнитивных* актов.

Анализ воспоминания как конститутивной и когнитивной активности *ego* приобретает большое значение в размышлениях Гуссерля об интерсубъективности, в частности, о проблеме конституирования единства с самим собой (единства настоящего и прошедшего опыта субъекта) и с Другим. Понимание актов воспоминания и вчувствования (Einfühlung) как конститутивной активности чистого ego на этом этапе свидетельствует о том, что воспоминание приобретает значение в плане консти-

41 «Es ist dabei noch einmal daran zu erinnern, dass hier die Rede von einem Objekt, einem Gegenstand, eine uneigentliche ist. Denn wie schon mehrfach betont, kann man im Bereich der ursprünglichen Passivität im eigentlichen Sinne noch gar nicht von Gegenständen sprechen» (*Husserl E.* Erfahrung und Urteil. Untersuchungen zur Genealogie der Logik. Op. cit. S. 81).

туирования идентичности трансцендентального субъекта, а вчувствование — для конституирования общности между «Я» и Другим.[42]

Таким образом, мы должны еще раз подчеркнуть два разных момента, важных для проблематики репродукции в воспоминании: во-первых, воспоминание есть когнитивное и конститутивное осуществление активности ego, а во-вторых, что аффективное пробуждение прошлого, которое обращено к вниманию этого активного субъекта, само по себе еще не есть осуществление его интуитивной данности.

6. *Возможные выводы из анализа воспоминания и репродуктивного пробуждения*

Различие между когнитивным процессом воспоминания и аффективным процессом репродуктивного пробуждения, который мы попытались описать на феноменологическом уровне, следуя размышлениям Гуссерля в «Анализах пассивного синтеза», может иметь определенное значение для понимания психологических механизмов памяти человека. Так, на сегодняшний день наличие имплицитной памяти является признанным, но, тем не менее, необъяснимым феноменом в рамках когнитивной модели психологии. В этом отношении особое внимание обращают на себя исследования в области аффективной нейронауки, в частности, рассматривающих связь памяти и эмоций и проявления не-когнитивного (неосознанного) запоминания. И если уровень когнитивно-осознанного опыта является доступным для феноменологического описания и эйдетического анализа, то указанный уровень аффективного и имплицитного протекания субъективной жизни представляет очевидную проблему для феноменологии. Таким образом, наш вопрос — *возможно ли феноменологическое исследование пре-когнитивного опыта в целом и феномена имплицитной памяти в частности?* — сталкивается не только с содержательными, но и методологическими трудностями.

С точки зрения классически понятого феноменологического подхода, направленного на описание субъективных переживаний в перспективе от первого лица (first-person perspective), опыт, не являющийся осознанным, не может стать предметом анализа, что исключает из сферы возможного исследования целый слой субъективной жизни, который не сводится

---

42 Beilage XLI «Erinnerung und Einfühlung als sich selbst verzeitlichende Vergegenwärtigungen (Monadisierung) des absolut einzigen, urtümlichen Ich» // *Husserl E.* Zur Phänomenologie der Intersubjektivität. Dritter Teil. Husserliana. Bd XV. Op. cit.

к когнитивно-осознанному, активному интенциональному опыту. В виду этих ограничений особое значение приобретает метод генетической феноменологии, цель которого состоит в работе с уровнем до-когнитивной пред-данности и пассивного конституирования.

Что касается применения феноменологического анализа аффективного измерения памяти в сфере теоретических и практических психологических исследований, то оно может быть связано с лучшим пониманием клинических случаев амнезии, то есть частичной или полной потери памяти. Так, на основании различия между когнитивным процессом воспоминания и аффективным процессом репродуктивного пробуждения, можно было бы делать выводы и о различных причинах поражения памяти. С одной стороны, проблема может касаться когнитивных функций и оставить нетронутыми механизмы имплицитной памяти, то есть состоять в невозможности привести к осуществлению акт воспоминания, при аффективной доступности пробужденных смыслов. С другой стороны, речь может идти о нарушениях в процессе аффективного пробуждения, который может быть связан с эмоциональной стороной вопроса или с аффективным подавлением определенных репродуктивных тенденций.

На наш взгляд, феноменологическое исследование аффективного измерения памяти и жизни субъекта является направлением, способным восполнить научные и философские представления об этих феноменах, ограниченные рамками когнитивных исследований.

Автор

КОЗЫРЕВА Анастасия Сергеевна — магистр философии; научный сотрудник центра феноменологии и герменевтики философского факультета СПбГУ.

KOZYREVA Anastasia — M. A. in philosophy; research associate at the Center for Phenomenology and Hermeneutics, Faculty of Philosophy, Saint-Petersburg State University.

E-mail: kozyreva.a@gmail.com